

СУБЪЕКТИВНО-ОБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ГЕРОЕВ-МЛАДЕНЦЕВ В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Д. В. Оленина

Предложен новый способ переосмысления героя-младенца романов Ф. М. Достоевского, предполагающий опору на религиозные тексты, так как творчество Ф. М. Достоевского постигается в свете его исповедания веры. Формулируется понятие «невербальный диалог младенца с миром» с учетом открытий М. М. Бахтина. Относительно присутствия героев-младенцев в романах сделаны следующие выводы: новорожденные «узрели», прочувствовали Бога и передают истину остальным; в созерцании младенцев Бог открыт человеку.

The new way of reconsideration of the hero-baby from F. M. Dostoyevsky's novels is offered in the article: to leave philosophy and lean against religious texts because creativity of F. M. Dostoyevsky is comprehended in the context of his faith. Leaning on M. M. Bahtin's openings, the author formulates a concept of the nonverbal dialogue of the baby with the world. The following conclusions concerning presence of heroes-babies at novels are done: babies «have beheld», have felt God and give the truth to others – God is opened for the person in contemplation of babies.

Ключевые слова: романы Ф. М. Достоевского; герой-младенец; новозаветное понимание.

Keywords: F. M. Dostoyevsky's novels; hero-baby; the new Testament understanding.

На современном этапе литературоведения герой-младенец воспринимается сквозь призму руссоизма. Руссоизм превращает его в нечто умозрительное, в итоге младенец рассматривается в рамках общих мест, в раскрытии его образа нет конкретности.

Мы же предлагаем при взгляде на такого героя, уйдя от философии, опираться на религиозные тексты, т. к. творчество Ф. М. Достоевского постигается в свете его исповедания веры [12, с. 6].

В предисловии к «Кроткой» Ф. М. Достоевский писал о *правде*, которая «неотразимо возвышает ум и сердце» [11, с. 5]. М. М. Бахтин справедливо заметил, что та «правда», к которой приходит герой, может быть только правдой собственного сознания. В устах другого то же самое слово, то же определение приобрело бы иной смысл, иной тон и уже не было бы правдой [3, с. 93–94]. Не напрасно же появилось выражение «моя правда» – правд много, а вот истина одна.

Это противопоставление известно испокон веков, об этом свидетельствует существование на Руси текстов с субъективной и объектив-

ной модальностью. Младенцы одним своим присутствием «взывают» к истине, стремятся возвысить не только чье-то индивидуальное сердце, но сердца всех и становятся побудителями к соборности.

М. М. Бахтин открыл полифонический мир в романах Ф. М. Достоевского [3, с. 9–10]. На наш взгляд, важное место в этом мире занимают младенцы, происходит невербальный диалог младенца с миром.

Сцена первой улыбки младенца в романе «Идиот» включает в себе, по словам князя Мышкина, «главнейшую мысль Христову» [6, с. 184]. Приехав в Петербург, князь встречает пьяного солдата, который так и норовит продать «осьмиконечный крест» «полного византийского рисунка». В сознании любого, оказавшегося на месте князя, зародилось бы осуждение. Вероятно, это случилось и с Мышкиным, однако он, как «положительно прекрасный человек», борется с этим: «Нет, этого христопродавца подожду еще осуждать. Бог ведь знает, что в этих пьяных и слабых сердцах заключается» [6, с. 183].

Появление младенца следом за «христопродавцем» вещает: где есть тьма, будет и свет и она будет побеждена светом. «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный» (Мф. 6:14).

В романе «Бесы» герои-младенцы появляются в следующих главах: «Хромоножка» – младенец, о котором говорит Марья Тимофеевна; «Ночь» – ребенок – родственник хозяйки Кириллова; «Путешественница» – новорожденное дитя Марии Шатовой.

На поверхности восприятие Марьи Тимофеевны Лебядкиной следующее: это болезненно-худощавая женщина, которая «белится», «румянится», «губы чем-то мажет», «буквально по целым дням» сидит «одна-одинешенька, и не двинется, гадает или в зеркало смотрится» [7, с. 114].

Типичная недалекая женщина. Но, слушая рассказ Марьи о младенце, мы начинаем понимать, что образ Хромоножки не так однозначен, как кажется, что эта «мечтательница чрезвычайная» несет в себе силы добра, света и глубокой духовности. Слова старицы о Богородице-земле вызывают «просвет» в расстроенном сознании Хромоножки и своеобразную интерпретацию библейских сюжетов – новозаветного о непорочном зачатии Девы Марии и ветхозаветного о младенце Моисее в корзинке: «И все больше о своем ребеночке плачу... и всего больше я плачу о том, что родила я его, а мужа не знаю» [7, с. 117].

Примечательно, что Хромоножку зовут Марией. А на вопрос Шатова: «Куда же ребенка-то снесла?» – она отвечает: «В пруд снесла». Простая, необразованная Марья, несмотря на свое безумие, не оторвалась

от почвы: «Запало мне тогда это слово. Стала я с тех пор на молитве, творя земной поклон, каждый раз землю целовать, сама целую и плачу» [7, с. 116].

Николай Ставрогин же, вопреки своему интеллекту, этого сделать не может, несмотря на призыв Шатова «целовать землю, облить ее слезами и просить прощения» [7, с. 202].

Марья Тимофеевна без ума, но с сердцем. Революционеры же и к ним примыкающие – с умом, но без сердца. Образ Марьи напоминает нам, что умом Бога не понять, в Него можно только верить. «Не дай мне Бог сойти с ума», – писал А. С. Пушкин [13, с. 266]. Ознакомившись с системой персонажей романа, мы понимаем, что отсутствие веры страшнее потери рассудка.

Митрополит Антоний (Храповицкий) отмечал, что чистота и смирение детей пробуждают временную любовь даже в злодеях [2, с. 81]. С самого начала текст главы «Ночь» проникнут борьбой света и тьмы: «Сени и первые две комнаты были темны, но в последней, в которой Кириллов жил и пил чай, сиял свет и слышался смех, и какие-то странные вскрикивания. Николай Всеволодович пошел на свет, но, не входя, остановился на пороге» [7, с. 184].

Именно появление младенцев в жизни сомневающегося Кириллова (младенец – родственник его квартирной хозяйки и новорожденное дитя Марии Шатовой) побуждает его периодически пересматривать свои взгляды. Гармоничный контакт с малышом хозяйки свидетельствует о том, что Кириллов, в отличие от Ставрогина, еще способен откликаться на божественное, светлое, еще не находится за пределами радиуса милосердия, человечности, веры. В этом нет никакого сомнения, достаточно сравнить реакцию младенца, т. е. существа, обладающего чистым, целостным сознанием, на Кириллова и на Ставрогина. Будучи с Кирилловым, ребенок хохочет, «как хохочут маленькие дети, с захлипом» [7, с. 184–185]. Как только в комнату вошел Николай Всеволодович, младенец «закатился долгим детским плачем» [7, с. 185].

Главу «Путешественница» ознаменовало не только появление героя-младенца, но и великая тайна – появление нового существа. Героя, в котором не утрачена еще сама сущность рождения. У взрослых она утрачена, мы всегда находимся ближе к смерти, чем к рождению. На это обращали внимание К. С. Аксаков и Н. В. Гоголь. Первый в фантастической повести «Облако» писал: «Младенчество имеет таинственное, для нас теперь потерянное значение» [1, с. 489]. Второй в «Вы-

бранных местах из переписки с друзьями» отмечал, что «младенчески прекрасное (увы!) утрачено, но его должно возвратить себе человечество, как свое законное наследство»¹ [4, с. 33].

Взрослый Шатов находится на грани жизни и смерти, сам того не осознавая (или не желая осознавать). Сущность встречи Шатова и младенца во всей полноте иллюстрируют строки из оды «Бог» Г. Р. Державина:

*Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь* [5, с. 30].

Встреча Шатова и младенца – напрочь лишенный мрачности момент, один из редких моментов романа «Бесы». Все бесы: и мелкие, и бесы-управляющие – все будто исчезли. Иван верит, что теперь все будет иначе, он готов все простить жене, его окаменевшая душа возрождается. Есть только «великая радость» и «тайна появления нового существа» [7, с. 452]. Происходит своеобразное «крещение младенцем» – вместе с этим ребенком заново родился и Шатов. «Все как будто переродилось», – отмечает автор [7, с. 453].

В первой части романа «**Подросток**», в 5-й главе, появляется младенец-подкидыш Ариша. Примечательно, что в этой же главе Аркадий подробно описывает свою идею, и ситуация с девочкой-подкидышем вводится автором следом за описанием этой идеи, дабы доказать ее несостоятельность, показать читателю, что «вьюнош» (так называет Аркадия Макар Иванович) «осутился в умствованиях своих» (Рим. 1, 21). Появление малышки напоминает, что «Бог гордым противится» (Иак. 4, 6). Ее присутствие гласит: «Не высокоумствуйте», «не мечтайте о себе» (Рим. 12:16), «Никто не ищи своего, но каждый пользы другого» (1Кор. 10:24).

Юноша, который только что так патетически славил идею «стать Ротшильдом», вдруг сталкивается с истиной: «невозможно самым пренебрежительным образом жить для себя» [8, с. 49], ибо «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12:25).

Он даже не задумывается о том, что Ариша – будущая женщина, а ведь женщины в понимании Аркадия «грубы», «неловки», «несамостоятельны» и «носят неприличный костюм» [8, с. 24]. Гордец, требующий всего или ничего (Ф. М. Достоевский в фантастическом рассказе «Сон смешного человека» заметил, что «всего или ничего» требуют

¹ Текст приводится в современной орфографии.

«гордецы и сладострастники»), перед корзинкой становится умильтельно альтруистичен и принимает решение, которое сулит идее однозначный крах: «Поспорив с Николаем Семеновичем, я вдруг объявил ему, что беру девочку на свой счет» [8, с. 80]. Ведь «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит» (Мф. 16, 26). Нельзя «служить Богу и маммоне» (Мф. 6, 24). Становится очевидно, что «ничтожество» приводят на первое место отнюдь не деньги. «Доброхотно дающего любит Бог» (2Кор. 9:7). А «богатый преидет, как цвет на траве» (Иак. 1:10).

Таким образом, Ариша – живая памятка о том, что слепая вера (бездействие), а тем более вера в сомнительные ценности – ничто.

Вводя в главу «Верующие бабы» романа «**Братья Карамазовы**» ситуацию смерти младенца, Ф. М. Достоевский таким образом демонстрирует два мировосприятия. Первое – восприятие усомнившейся в вере женщины, которая чуть не разрушила свой брак: «А теперь и о нем (муже Никите. – Д. О.) не думаю. Вот уж третий месяц из дому. Забыла я, обо всем забыла и помнить не хочу; а что я с ним теперь буду? <...> И не глядела бы я теперь на свой дом и на свое добро, и не видала б я ничего вовсе!» [9, с. 45]. Второе – восприятие убежденной христианки, которое рождается в героине благодаря беседе со старцем Зосимой. Вспомним его слова: «Только его тебе грех оставлять. Ступай к мужу и береги его. Увидит оттуда твой мальчик, что бросила ты его отца, и заплачет по вас; зачем же ты блаженство его нарушаешь?» [9, с. 47].

Младенец устами Зосимы напоминает: «Соединен же ты с женою? Не ищи развода» (1Кор. 7:27); «Жена связана законом, доколе жив муж ее» (1Кор. 7:39).

Появлением младенца ознаменована и глава «Показания свидетелей. Дите». Физическое бессилие Мити оборачивается его духовным перерождением.

«Дите» на руках матери с испытанным лицом дает знать, что «безудержье карамазовское» [9, с. 457] может приносить не хаос, а гармонию, стоит только его направить в правильное русло. Кутила, сладострастник и почти убийца (ведь Григорий мог и скончаться от удара, нанесенного Митей) вдруг забывает обо всем и становится будто «*tabula rasa*», начинает задавать наивные детские вопросы: «Да отчего оно плачет?», «Почему ручки голенькие, почему его не закутывают?», «Почему бедно дите?», «Почему не кормят дите?». «И чувствует он... что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дите, не плакала бы и иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от

сей минуты ни у кого и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и несмотря ни на что, со всем безудержьем карамазовским» [9, с. 456–457].

Человек, который несколько часов назад хотел покончить жизнь самоубийством, вдруг ощутил, что «хочется ему жить и жить, идти и идти в какой-то путь, к новому зовущему свету» [9, с. 457].

Грубый арестант вдруг восхищается человеком, да не просто человеком, а «добрым» человеком, который ему «под голову подушку принес»: «– Кто был такой добрый человек! – воскликнул он с каким-то восторженным, благодарным чувством и плачущим каким-то голосом, будто и бог знает какое благодеяние оказали ему» [9, с. 457].

Позже Митя признается Алеше: «Зачем мне приснилось “дите” в такую минуту? Отчего бедно дите? Это пророчество мне было в ту минуту!» [10, с. 31]. Таким образом, младенец во сне Мити – существо, направившее грешника на светлый путь.

В главе «Прелюбодей мысли» адвокат Фетюкович вспоминает девицу из Финляндии, «ирода в юбке». Она родила троих детей и сразу же лишила их жизни. Эти младенцы-жертвы заставляют Фетюковича (а вместе с ним и читателя) продолжить одну из заповедей – «Почитай отца и мать твою...». Продолжить словами, которые точно не станут ересью, не превратятся в апокриф: «Почитай детей своих».

Митрополит Антоний (Храповицкий) заметил, что неверующие в детских страданиях видят причины к пессимистическому ожесточению, а верующие, напротив, к примирению и всепрощению [2, с. 81].

Погибшие младенцы устами адвоката хотят донести до нас «настоящее», а не «мистическое» христианство: «Не нанести вреда человеку», «не измучить и не погубить человека». «Мы на земле недолго, мы делаем много дел дурных и говорим слов дурных. А потому будем же ловить удобную минуту совместного общения нашего, чтобы сказать друг другу и хорошее слово» [10, с. 170–171].

Таким образом, младенцы в романах Ф. М. Достоевского – побудители к свету, добру, Богу, соборности.

Библиографические ссылки

1. Аксаков К. С. Облако // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1830–1840 гг.). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.
2. Митрополит Антоний (Храповицкий) // Ф. М. Достоевский и православие. М. : Отчий дом, 1997.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худож. лит., 1972.

4. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений / под ред. А. Е. Грузинского. М. : Печатник, 1913. Т. 8.
5. Державин Г. Р. Сочинения. Л. : Худож. лит., 1987.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 8.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1974. Т. 10.
8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1975. Т. 13.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 14.
10. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 15.
11. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1982. Т. 24.
12. Померанц Г. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М. : РОССПЭН, 2003.
13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М. : Изд-во АН СССР, 1963.

Д. В. Оленина. Белорусский государственный университет
D. V. Olenina. Belarusian State University
e-mail: oleninadaria@mail.ru